

23

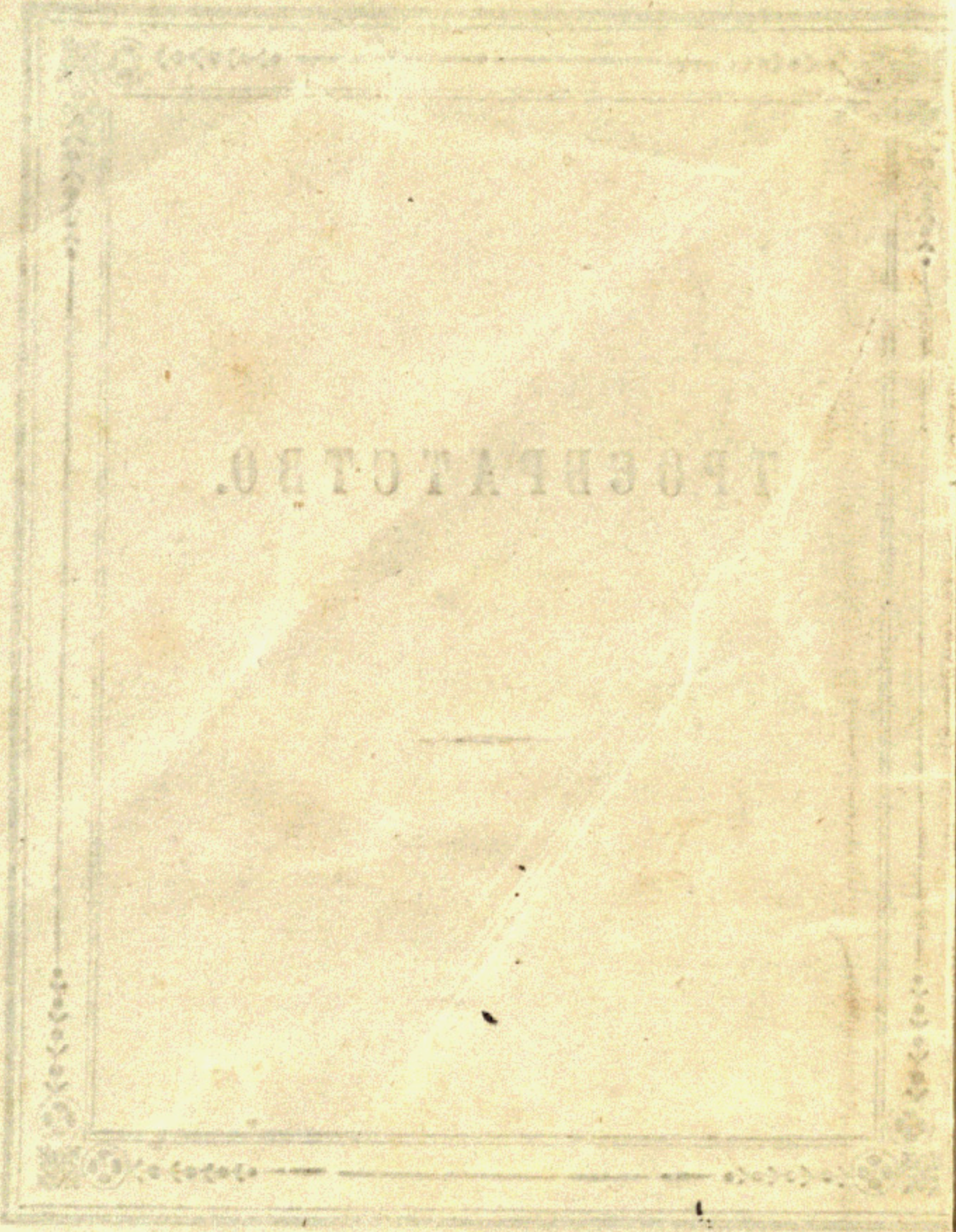
Луканин.

ТРОБРАТСТВО.

~~213 A 83~~

~~PI 239~~

Pa9 Cp I 320.1



LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF CHICAGO

~~РІ 239~~ РІ 9 СрІ 320.1

ТРОЄБРАТСТВО

Т О Б С Т Ъ

РОДЪ, ПУТЬ, И НААДЪ

М У Ж А.



5771

ТВОРЕВИНА У ТРИ ПЪСНЕ

за у СЕРБИЈАНКУ

О Д Ъ

СИМЕ МИЛУТИНОВИЊА,

САРАЈЛІЄ.



У Б Ђ О Г Р А Д У,

При правительственной Кнѣгопечатни,

1844.

СД. 1306

Юнакъ Велько
Сивъ в Србства сово,
Там' почива
Онъ у гробу врачну,
Ал' потомство
Гла му сликку зрачну,
У дѣлама
Ньим' тек' чинѣнима.

ЧЕСТИТОМЕ ГОСПОДАРУ

ОТЛИЧНОМЪ СРБИНУ

В

НАРОДОЛЮБЦУ

ДИМИТРИЮ ВЕЛЬКОВУ

И РИЖАНИНУ

посвећена.

1*

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

OF THE EAST ASIAN LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

Р Т А Н Я Ц Ъ

или

Р О Ъ Е Н Ъ

ВЕЛЪКА ПЕТРОВИЊА.

Чусе нешто у облачку ясну
Выше бѣла града Нѣготина,
Свѣтъ се трже да увиди шта ъ,
А то една пребіела вѣйла,
Дивна вѣйла Тимокиня млада,
Извила се у чистину плавна
Изнадъ свога одисконска нѣдра;
Кликѣе радаа иза свега гласа,
Творца позоръ приклонила пѣсни,
Небо, земля, сви предѣли дальни

Звѣзде, горе нигда некренуте,
Мора, рѣке, извори дубравски,
Стѣнѣ, дрвлѣ и красоте польске,
Свес' пренуло, све притекло чути;
И вѣтринаа трубе су замукле
Адскіи млази забленувсе стали,
Оживѣли одъ віека мртцы,
Прогледали одъ роѣеня слепцы,
Све притекло изъ дубин' живота,
И свѣтъ новый примакосе старомъ,
Дивѣ свое уши оклопію,
Чут' и видѣт' пріе нечувено,
Што ни сунце одъ постаня видло,
Веѣ да вѣчный кадъ умнуо такво,
Што заликта Нѣготинка бѣла;
Пѣвке пѣвка свога любавника,
По имену Велька Петровога,
Свог' Войводу одъ Краине славне,
Юнаштва му озго гледаюѣи;
Ню зачувши уздражесе и све
Нѣ другарке добра цѣвнительке,
Славна дѣлца свію шкаклѣ грлца,
Фаалит' врлостъ природство ѿ нѣица.

Ой! Мушкобашна госпа е Србка,
На средъ красог' села Уленовца,
Пасуѣ стадо по Ртню бѣло,
Предуѣ прелу, но и носек' пушку;
Танѣ прела него Сараевка,
Пушкомъ билла кано Црногорка,
Лицу іой се и зора дивѣла,
Чисту л' срцу ючерашњи янѣцы.
Якада е до цвѣта стигла,
Башѣ к'о да іой наспѣнуло нешто,
Тури прелу на билѣгу хитцу,
Вѣрной шарри маомъ огань примче,
Лопатка е преслични прела;
Другомъ пуни опета се меѣ,
Пребѣя е посредъ половине,
А кад' скреса разжешѣена треѣу,
Сва і' преслица у перишанѣ пошла.
Пува чуйну козарѣ у стѣнама,
Како чуо, тако разумѣо,
Горскомъ вуку чини препоруку:
„Богомъ брате мркозеленѣ звѣре,
Причувайде суро стадо мени,
Докъ се къ нѣму вратимъ я опета,
Вѣра моя и юначка среѣа!

Дат' ѣу теби све біеле овце,
Текъ пастыру доскочимъ ли нѣину.“
Пакъ одскака трогодаць Єленко,
Брже нашо рїедка овчара:
„Божа т' помоѣь лїєпа младицо!
Пуцань пушке начуо самъ твоє,
Свѣтїосе да гаѣашъ билѣга,
Давно ми е вѣста игра душа,
И несташно преволѣ ме срце,
Дуга л' пушка пожелѣла гласа;
Козїє самъ окце понесао,
Да на вишань ставимъ га хитцыма.“
То т' младайка, кано ти дѣвойка
Спрамъ свакога найболѣг' юнака,
Єдва чула, єдва дочекала,
Пребієло заложила стадо,
Уза стадце свою пушку исту,
И антрешель робиньомъ му быти,
Ако млада непогоди окце — .
Козарь дає свое сиве козе,
Свое очи па и обѣ руке,
Ако билѣгъ неустрелне истый,
Ил' іой быти робомъ за вїєка;
Томъ свѣдоцы траве и звѣздице,

Ал' по цигломъ да се метну пушкомъ.
Сподби окце млада овчарица,
Лѣтораслу натнула га витку,
Билѣгъ ставля на триста коракаа,
Небы л' баремъ сама незгодила,
Дуже пушку пріе одъ козарка,
Дуже дугу на біелу руку,
Юшѣ ни деснимъ неж' ню погледнула,
Одпонецемъ іой грома придаднула,
Промашнула билѣгъ нафалице;
Ал' се меѣе козаръ изъ Латинке,
Ни два ни три веѣъ у нишанѣ одма,
Погодивши гротомсе насмѣхну:
„Фала Богу на еваком' дару!
Башѣ ми даде што и желяхъ давно,
Штоно волимъ нег' и оба стада,
Хай пастырко! сама душо моя.“
Ал' и нѣойзи то изненад' не бы,
Жедномъ вольомъ нѣму одговара:
„Ето стада, и ево ти мене,
Души л' своіой . . . сад' пробери дражже.“
Загонетку козаръ увѣднуо,
Овце пушта пасти зеленицу,
А ню сподби десномъ за лѣвицу,

Не бы л' срцу примако се ближе,
Води право подъ чадора еле,
Лѣто, жета, к'рвца л' узаврела,
А ту двома згодно пландовати — .
Ал' су баремъ подмирили желъ,
Любилисе, не налюбилисе
Одъ милине Вышнѣмсе молили:
„Свани Боже свем' осталом' свѣту,
А нам' двома немой до віска,
Болѣга ти рая нетражимо!
Єдно друго питаємо душам',
Смртну жеђу гасиће нам' люби,
Нам' одѣло тма быт' и пустиня,
Наше л' сунце ноћна преходница — .“
Ту имъ циглу порекао Боже,
Друге одъ нѣи захтієво жертве,
Судбиномъ ій открит' заповѣда,
У лагахне умамесе снове,
Снѣивањима обая имъ срца,
Оде тама и звієзда сљйна,
Остадоше они у средъ ноћи,
Успавани кано т' у самоћи — .
Пріє ютра у прозорѣ плаво,
Славуй нѣима выш' главе в пао,

Рану зори пропѣвнуо пѣсню,
Пакъ нѣм' дзюма другу припѣвушну
О любовномъ догаѣаю таквомъ
Каква жуде и бродарке вѣйле;
Ал' горчину треѣой уміеш'о,
Каконо ѣе быт' имъ слаѣе прве,
Како л' ѣе ихъ пріе разбудити,
Зарь не славуи, но изъ мрака нешто — .
Вражял' зависть и ту се обрела,
Кодъ онликій граѣанскіе срцаа,
И пастырска смутит' иколько,
Све л' не посве каконо бы хтела,
Ерѣ тек' ту іой неподпуна і' влада,
И небесне што улавля себи — :
„Зла ти среѣа, то-горе ти ютро! . . . ?
Вукъ огладнѣ, прождрив ти стадо,
Ты подъ еломъ у немару дреждишѣ!
Шта л' ѣе реѣ' ти стара на то майка!?! — .“
Цлахо козарѣ пренуо се одъ сна,
Бы му жао диѣи любезницу
Изъ пресладе къ разстаяню тужну,
Наѣе мапѣ небудит' се жалбе,
Таіомъ оде на ториште коозаа,
Причуват' іѣ к'а и свое саме;

Тек' ньой милой срце оставю,
Свое срце изъ живіе грудій,
Ньой у нѣдра меѣ біеле дойке,
Кад'се прене, да се нѣимъ утѣша,
Вѣруючи доѣи ѣе іой драгій.
Козаръ къ тору, ал' му стадце здраво,
Наѣе вука ѣе га братски чува,
Юначка є тврѣа одъ челика,
Само юнакъ рієчь одржава,
Нѣм' є врлостъ штите и оклопе,
Свему вольомъ на край стає цѣломъ,
Чиста слава слѣдує му дѣл'ма.
„Ево побро што самъ се задрж'о,
Знаѣахъ, вѣрний стадце чува мое,
Па добывши овце и овчара,
Яньце пустимъ къ доиляма своим',
Нек' се уче ситный калаць пасти,
Дружество л' свое обикавши младо,
Некъ познаду да іоштъ има сласти
И сѣмъ млека и кромъ майке сисаа;
Пакъ я узмемъ раду пастыркиню,
Одведемъ се къ дебеломе хладу,
А подъ елу заклонявны' гранаа,
Срца нам' се болъ разумѣла,

Еднимъ друго себе обдарила,
Мое оста, я безъ нѣга доѣо,
Мучно бы се и сад' разстануо,
Да ме нешто непревари злобно;
Добро памтимъ я обѣта мога,
Ал' те побро моли побратиме,
Недирай ми у біело стадце,
А ето ти све кусасто мое.“

„Вукъ изъ горе не бы вукомъ быо,
Побратимску непослушавъ молбу,
Юшь сувыше ни єдног' ти неѣу!
Пріятельство светость є и звѣру,
А мен' доста и по гори лова,
Вепров' дивыхъ и медѣдаа страшныхъ,
Юнашствомъ є мени хранити се.“

Пакъ му рече: „Збогомъ остај побре,
Устребамъ ти л' опета ме вабни,
Вѣрно ухо на край свѣта чує.“

Тад' разигра свое брзе ноне,
Невидисе домаша ли талаа,
Реко б' лети ластавице крили,
Оде живит' кано є привико,
Само самцатъ ка' божество неко — .

Но и козаръ садъ изяви стадце,
Да га мрвке попрочасти брстомъ,
Пакъ и одпуть къ свом' да летне срцу,
Брезъ живота, и безъ нѣг' му і' равно — .
Али брстеѣ' несталоше козе,
Докле лоємъ ребра необлише,
Свомъ чувару задаваше муке
Тежке найпре, а по лакше после,
У то приспѣ яренѣ имъ друго,
Козаръ се в томе обрадов'о,
Диже козе съ литичинаа снѣжны',
Право яви у низине шумске,
Кудъ му Миля свое овце пасе,
Съ яньцыма се кроткимъ играюѣи,
Бес' ненад'о ту е затекао,
У пристранке и пропланке горске
Извила бѣло свое стадо,
Ал' 'во среѣе неиграше съ яньцы,
Веѣ соколче себи породила,
Шѣ нѣимъ излѣгла на сретъ премалѣѣу,
И сунащцу пожелѣна свѣта,
Свом' ли драгом' . . . давно ненадноме;
Срце драгог' дѣтенцету дала,
Да бы нѣимсе оно забавляло,

Ньой милине све у ньму нейма,
Извѣтрила, разасулас' веће,
Єдва і' нађе по найманю капцу,
Там' и чакно у наслади ланьской,
И у цвећу што рудину нови,
Што л' и самѣсть преублажа исту;
Ал' на єлу несме погледнути,
Споминѣ єе найнесретна часа,
И найлюба', кадъ іойс' искр'о драгій. . .
Давно смрть іой споменѣ бы задао,
Да іой ніє одѣ срдащца плодка!
Дѣте плаче, но тим' блажи майку,
Нѣне яде своим' сузам' гаси,
И том' радаа одѣ неволѣ пѣва:
„Неба дарє, та любви жарє!
Твой плачи майцы су колачи,
Да ми ніє т' свисла бы одавно,
Там' у мртвим' блаженства б' искала,
Там' и обѣтъ утѣхе страдалцу!!
Тебе л' ради іошѣ єв'є питтамѣ тугомѣ,
Небы л' како приплодѣ одгоила,
Дарѣ ми циглій, ахѣ. . . сладости горке — .“
Ѕипи козарѣ изѣ шевара блиска,
Већ' немого више устрпит'єе,

Свѣтлимично загрліо срце,
Часкомъ смртну боолу излѣчнуо,
Обое ихъ тако загрліо,
Те утѣшка разяѣнену майку,
Радее точеѣ' у нѣдра іой сузе,
И полюбце даюѣи іой жарке,
Млого болѣ нег' и земли сунце
Кадъ по грозной обася се зими,
Юшь іой глед'ма и єзыкомъ немимъ
Свою нутрость изказ'о є веѣ'ма,
Нег' бы клицы найнебесны ликаа.
Пакъ потекаръ вратившице у се,
Кликомъ кликне, та изрикомъ викне:
„Здружньо душаа н стада нам' здружи!
На насъ гледеѣ' нек' живкаре скупа,
Нек'се яньцы са козлад'ма кладе,
Тво ѣе у высъ болѣ поскокнута,
Чіе л' челце грухкаюѣ'се яче;
У средъ игре нексе дойке сѣтну,
Нек' у незнанъ свако тркне къ своіой,
У хитрости нек' и туѣу дойне,
Подовши любушкат' се стане,
Ка'но исто а праву майчицу,
Та ка'но ѣу и я мою Милю

Вѣрно любкат' и довієкъ чувкат',
Да насъ ништо веѣь разставит' неѣе,
Смрть ли доѣе, мрієт'ѣемо скупа,
Пепель костій нек' нам' в заєдно,
Па што Богъ да и на оном' свѣту,
Сведобрый насъ єдда неразставне
Башъ ни тамо, гди све желъ прійма — . “
Завѣтомъ се подукрѣпну таквимъ,
Вышнѣій животъ отле имсе почне,
Поднашаху г' свесладія плодку,
Скупа иду стада здругу пасти,
Скупно луче шилѣжъ съ яловннѣмъ,
Музу овце и козлице скупа,
Лежу додне, и устаю рано,
Кад' све скупа ни то напонасе — .
Ову свадбу, и ову женидбу,
Како ѣешто тек' пастир'ма бива,
Богъ в шѣео, Богъ є учинію,
Богъ ій вѣичо, Богъ имъ кумовао,
И Богъ самый благословію в,
Што икога икада своєга
А у краму поднебесну саму.

БРѢЗСМРТАЦЪ

ИЛИ

ПОСЛЕДНЪ И НАЙВЕЕЪ

ЮНАШТВО

ВЕЛЪКА ПЕТРОВИЃА.

Ой! чиста любовъ у прекипу саму
Ево шта е зачедити силна,
Въчну врлость у облійку дѣйке
Светог' дара побожниц'ма збильским',
Та дивоту пространоме свѣту,
Нову л' фалу пастырскога ставя,
А обрану своіой отачбини,
Та на име Црноречца Велька,
Десну руку новаго Неманѣ,
Мейданцію ка'но Кралѣвиѣа,

Вѣрна друга ка' и Косанчића,
Страхъ и трепеть и у булки сыну:
Србинъ Велько витеже е правый,
Нѣму вѣцы дивит'се имаду,
Юнаштва су нѣгова безъ броя,
Над' све л' диже край живота нѣга.
Охъ! стара злоба и у наше доба,
Узочась е опет' подмлађена! . . . ?
Отров - нокт'ма подкопала давну,
Пакъ и нову Сербіе нам' славу,
Карађорђемъ уздигнуту циглимъ.
Иста куя у синциру пизме
Варвар - Цару подъ ногама лежи,
На нѣой грозной стои му и престо,
Она му га и близ'-подровила,
Разтрухнявас' и онъ то невиди;
Обична е налаяват' сваке,
Докучена л' рыски разтрзава,
Одъ гесе іой да тек' людства дрхте,
Каквый л' дѣли там' Плутону брваръ *)
Такимъ истимъ та Изламу служи,
И узда се у бледость мѣсеца,

*) Крварошъ г. в. *Κέρβερος*.

Да ъе и ню негда обасяти,
И мож' негда, нег' послів людій . . .
Ньимъ іой среѣе обновит'се ютро;
Съ тога нѣму све на жертву дае,
Исте свое понайлѣпше штенце — .
Турчинъ грубий простъ и лукавъ знаде,
Попустит' іой каднокад' и дуже,
Те се малко вольомъ подукрепля
Нѣговъ жежель поштовати златный;
Выше л' путаа послухне іой регу,
И то свагда на зло рода нѣна,
И на унизъ светога Христянства;
У главу е іошъ хршумомъ лупне,
Окована да му ноге лиже,
Ка' однегда тако и опета
Грѣе робство да за милость прійма.
Да бы Богъ д'о къ себи дошла игда,
Пакъ бы видла какву часть имаде,
Тво л' се дѣл'ма докле посраміо! . . . !
Нужда кад' е довіят'се мора,
Велишь сама, но свіеть инако:
„Не бы нужде подстрекават' Цара,
Ано съ войскомъ, издаћу ти Сербе,
Да ти буду, ка' и были рая! . . . !“

Богъ све види а правицомъ плаћа,
Нит' є дужанъ іошъ икомъ остао — *)
Охъ! нешто подлостъ, нешт' и хитра глава,
Понайвыше л' увређенъ народе
Своіомъ браћомъ горе нег' и Турцы,
Бранитисе волю изгубіо,
Кадъ му душманъ и у дому пост'о
А одъ свога брата и сродника;
Варвар - Цара извѣстна Тирана,
Неумитна ни лешев'ма людским',
Ненасита ни крвопієня,
Та виђевшег' са свій странаа згоду
Подигла су и распалила га
Скупит' войску колик' на Московва,
И товећу съ дубльимъ намеренѣмъ —
Кад' ли Царе войску сакупіо,
Мыслиосе съ кое ли бы стране

*) Овди се подразумѣва Турскій лажный пріятель, Турства разорително начало, илити исконъ, и то све у ово време, кадъ се ово све, што се у овой пѣсни читава, догађало; а данасъ є воля баремъ у Довлета боля, те се и Христјани какогодъ и паметны Турцы свакоме свом' добру и срећи посадь истекаръ одъ правице и врлине надаю Царске.

Свуда справне Сербѣ очевидно,
Нападнуо, ал' се недомышль'о,
Нити бы се довієх'о игда,
Сумня бы га сама развргнула,
Ал' му нешто . . . изъ Сербіе крила . . .
Тайно езыкъ опружило дугій,
На ухо в Цару прозборило;
Тако і' Србску дозн'о унутрину,
И народнѣ како срце куца,
Шта ли жели, чему ли се нада,
Ког' ли важног' има заштитника;
Таа узнавши прегнуо в лакше,
Диже войску на махъ свуколику,
Босна озго, оздо Румеліа,
Срамъ бы Вельку града оставити,
Сву Краину, свою л' Бабу - Фимку . . . *)
Па измаѣсе меѣ' браћу Србове,
Кояно су свуд' за нѣиме чезла;
Санъ му каз'о, свеѣ' добыти Турцы,
Юшѣ Бранково колѣно в живо,
И за Србску нову Царевину:

*) На връ куѣе в свое Велько имао чардакъ, и вѣга а
зѣао Баба - Фимка — .

„Нѣготинѣ му огрезла в вода,
Потопила мало и велико,
Тек' на коминѣ двора нѣгового,
Бдна жижка што в излетнула,
И звѣздицомѣ къ небу пріонула — ,”
Велько смышль'о да ѣ' и послѣ мрети,
Найпослѣв срамно ил' несносно,
Кадѣ су залуд' и юнаштва предня;
Наумію инди мріет' пріе,
На мейдану лицемѣ ка' душману,
Нег' ли найзадѣ осрамотит' мышцу,
По толиким' раннама юначким',
И побѣдам' одношеним' свугда.
Витежство в у средѣ Нѣготина,
Сѣлос' бранит' до послѣдна часа,
Пакѣ и онда умріети радо,
Срба л' образѣ овѣчити зрац'ма,
И лаврикомѣ и спомена пѣвкомѣ — .

Хай! Велько зове до два брата своя,
Мялутина и Миленка млада,
Два юняка, цвіетѣ одѣ момака,
И Хачжію Бошняка Николу,
Сараевскогѣ дѣтиѣа рїедка;
Стоянѣ Абрашѣ вѣчна винопія,

Свагогъ боя Турска крволя,
Другій Бошньо Уровчанинъ Србе *),
И Станов предъ ордіомъ кале . . . **)
Завѣрены неодмичу нигда
Одъ главара и одъ Господара
Хайдук - Велька, Войводе юначка,
По Краини до ушѣа Тимока;
Едногъ зовне сви се къ нѣму стекну,
Ка' и къ ютру а сунашца зрацы,
У очи ли разумрениа вѣчна
Велька свога да бы оставили,
Бывъ му дотле први Капетани,
Недай Боже, ни юначка вѣро!
Делибалта Ускокъ Бугарине
Съ истомъ браѣомъ и съ беѣари лютн
Бога емца іошъ узъ вѣру даю
Господару Вельку Петровиѣу,
Свис' обреку, свис' умрїет' сложе,
Ту шъ нѣим' остат' до капльице крви,
Едногъ нейма кои вели ерѣ бы — .

*) Уровцы, село у Окр. Валѣвскомъ.

**) Збогъ неустрашимости у бою назвало е тога друж-
тво градъ, турски кале.

Силномъ вольомъ и юначкомъ слогомъ;
Здружена имъ срцас' обрадую,
Свакій данакъ Васкрсъ праздноваху;
Но и Велько чете разашиля
Све беѣаре на бой поскокльиве,
У Загорѣ и планину стару,
Горске страве съ миромъ неостале,
Ни лисичиѣ у язвини тамной,
Камо л' Турска стада и чжелепи,
Хилядама говед' и оваца,
Изъ равнине Видинскога града,
Сяве брзо Нѣготину своме,
Да се хране претиліемъ месомъ
И да братство бране ка' Ришѣанство,
И крсть частный, та слободу свою — .

Ей! Мухуръ Везиръ у то примакосе,
Силномъ войскомъ обсѣдноу града,
Деель брдащце колико в дуго,
Одъ истока сунца Нѣготину,
Свег' чадорим' окитили Турцы,
Црна земля дана пожелѣла,
Корѣнь истый затро се и трави;
А одъ блата и Ёупрійске стране,
Речжепъ мудрый са козацы блудни,

Съ одметниц'ма Запорожцам' Русс'ма,
И съ іошъ свое неброенне войске,
Дволичне е разширіо груди,
Свою Цару доказати фалу.
По връ гнѣзда и мѣста юначка
У сеоцу влашкомъ Округлашу,
Самъ е Везиръ силенога Цара
Подъ тополе у хладнике пао,
На теферичъ одъ вруѣне лѣтне;
Ал' теферичъ стао га е скупю,
Скупоѣа му съ побѣдомъ равнасе,
Окол' нѣг' е найсилніа войска,
Съ лѣва му и предъ лицемъ пѣшакъ,
Смрти л' ждрѣла, топи съ кумбарама.
Съ десне руке Баднѣву планини
Пространу е свуколику страну,
Хатліа му испуніо брзый;
Сви Аяни*) Бугарске ціеле
Ту су съ людства єдриномъ своєга,
Карафейзи Крчжалія' глава,
Надъ' свим' нѣима ставлѣнъ е владати,
Зареко се Цару и Везиру

*) Заръ су што Вазали — .

Свієм' силам' освонт' помоћи
Сву Краину и читаву Србску,
Само прва да му прости Царе,
Разбоицомъ што е наорао — .
Према Турскомъ несравнѣиву мложтву
Србаа стало дветри хилядице,
Ал' е исте предводіо Велько,
Самъ е Велько една войска быо,
Челядь градску найпре уклоніо
Окромъ вѣрне Дилбер - Стане свое,
Да му служи вино и ракію,
Докъ му трав животъ и обсада,
И у гост'ма док' има Турава;
Спротъ Везира редуть ископао
На оглавку свога Нѣготина,
Топове е у нѣга поставіо,
И Раицу са Шльивићемъ Јовомъ,
Са младима Браичевцы Срби,
Да Везиру и свой Турской войсцы
Они отол' сладкій тутунъ люте,
Да лагахна льоккаю имъ санка,
На своима л' виловитим' конь'ма,
Да му Турке ногам' погажаю,
Што с' одъ саблѣй у земљицу завру — .

Абрашъ храбрый на бедевій сурой
Према Деелу изніо в груди,
Шъ нѣмъ и Мартинъ вѣрный Бугарине,
У средѣ влашке махале су шанче
Овда сложно и скоро уздигли,
Су два л' топа и съ неколка Влаха
Найвећой су ругали се сили,
И свакій данъ Турке одбіяли.
Цвѣтко Србе Краинчина чврста
Съ Бошняк - Маркомъ иза цркве стали,
Выше Цвѣтко шанчиѣ ископао,
Марко долѣ преко друма другій,
Запала су съ Нѣготинцы оба
Ту с' одржат' ол' изгибат' славно;
Речжепу су често излазили,
Млого лютій задали му ядаа,
А іошъ выше раанаа и смртію,
Козаке му свагда узбіявши,
Мало дневи, до и ноѣцу сваку,
Сложнимъ огнѣмъ, груд'ма и мышцама,
Затираше тер' озбильски Турке,
Главам' Турским' шанце су китили,
Лице і' мѣсець у тму закланяо,
Одъ оружя и врлине Србске.

Србы с' бише и круто бранише
Одъ Везира и царске му силе
Докъ траяше за боя потребаа,
Юшъ и Цару нада недаваху,
Да ће отет' игда Нѣготина,
Ками ли му сва држава Србска;
До ев' муке и одъ сваке струке,
Кад' Србима ту чжебане сманя!
Седамъ кнѣигаа за помоћъ в посл'о,
А по хитрим' соколов'ма Велько,
У Делиградъ Србскоме Везиру,
Башъ Младену Миловановићу,
Одъ Србина и на руку Срба,
Ни на єдну одговора неймо,
Ни улакма враћат'се недало,
То ли помоћъ войске и барута,
Већъ osveta и пркосе злобный,
Или друга печувена мука;
„Држсе море Хайдук - Велько славный
Ту и сада кано и досада,
Теб' су гостбе Дунавске моруне,
И Краинске лѣпше дѣвойчице,
Садъ покажи стоишъ ли нам' тога,
Што т' мехтери свакій данъ пѣваю! . . .!“

Мени ли в садъ овамо лакше,
Богъ и Цары заръ све хоће тако — .“
Ал' къ оч'ма су вилле пришпичиле,
Радо б' юришь учинили Срби
На Везира зоромъ холуястый,
Едда б' итко живъ изадро на дво,
Кадъ е нетко издр'о съ Каменице,
Ћесе билло еданъ данъ цієлый,
Зубимасе и ноктима клало,
У перчинма мейданъ подієлѣнъ;
Но и Везиръ тренут' окомъ неда,
Топова е двадестъ удесіо
Само градски осимъ убойніє,
И кумбара' деветеро грлаа,
Сваке ѣулле седамдесетъ оокаа;
Данъ и ноѣ имъ рикка непрестава
Гудня топа и кумбаре штетне,
Свак' помышлѣ громови су неба
Сложилисє свієтъ упропастит'
А на ярость своєг' творца плаху.
Заямъ нѣима одзаймлява Велько
Су едан'єсть своєє топчиѣаа,
Но када му свас' чжебана кончи,
И тек' само остало му праха,

Юшъ кадъ Армашъ, Вельковъ посланиче,
Да по Влашкой скупля му беѣаре,
Изсредъ Турске войске и логора
Подвикнуо, Срб'ма довикнуо :
„Залуду е теби Велько мука!
Узъ колѣно ево ме Везирско,
Везиръ знаде све како е теби!!
Како теби како л' свим' Србима,
Како л' сада есте Караѣорѣу,
Како му е, и шта ће му бити.“
Овда Велько све на едно прегне,
Прво ютро у доручно доба
Обучесе юнакъ и витеже,
Преоѣенус' и пренови соко,
Скерлет - чоху на зелену свилу,
Мор - кадифу, па по нѣойзи злато,
Ни ковано нити салѣвано,
Веѣъ на влакна танко разтезано,
Ненадвеѣенъ смисли погинути,
Та накиѣенъ крвь пролити свою,
Кано дѣйка своѣга времена
И к'о лѣйка Србскога племена.
Тако с' диже огледат' редуте
И послѣднимъ све юнаке овое

Появляемъ своимъ раздрагати,
Нек' в зрачѣ гдино в ограшѣ,
Ка' съ пролѣдемъ луке оцвѣтене;
Редомъ быо шанце обходіо,
Поздравіо све юнаке свое:
„Ха войницы, ха крста ратницы,
Држитесе тако до віека,
Како што сте досадъ уза Велька,
Ништ' ви нитко нигда наудити,
Све душмане вы ѣт' посрамити,
Вашъ ви Велько исто проговара.
Васъ о томе собомъ увѣрава! . . . !
Турска сила веѣь кронула с' види,
Немож' дуже траят' мухасера,
А іоштъ одъ насъ нико непогибе,
Према Турским' мртвим' и ранѣним';
Пакъ башъ и я да бы погинуо
Данасъ, одма л' предъ Вашим' очима,
Опетасе држ'те и одрж'те,
Све и безъ мен' што са мномя можете,
Како и я сви сте окалѣни,
Баремъ сада овог' бранеѣ' града.“
Іошсе найзадъ у найдалій спушта,
Ѣено бѣше Абрашъ Капетане,

Ћен' и Турцы пришли понайближе,
Спрамъ Абраша редуть ископали,
Яетомъ бы добацыла рука,
Спроф' два топа седамъ намѣстили.
Слободный е своимъ топомъ Велько.
Ту нишанит' у средъ Турскогъ стао,
И тамамсе главомъ исправіо,
„Пали!“ викне, но и Турскій пукне,
По срдащцу догоди намъ Велька,
Паде Витезь, паде Срба слава:
Рамо лево ѣулле му однело,
И опет' е: „Држ'тес' браћо!“ реко,
Пакъ е пао издахнут' юначки,
На мейдану непобѣженъ нигда,
Одъ турскога Витеза коєга,
Нег' одъ топа, што и стѣне сруша,
Што л' громови, то су и топови;
Демискія сама ќе му сѣћи,
А десница хоѣс' посветит' му,
Кано истог' Обилиѣа циглогъ,
Шта і' душмана Велько погубіо,
Ніе выше ни Кастріотъ славный,
Но за такомъ чезнуо е смрти,
И у саму vzdышая часку.

Умро Велько свѣм' на жалость Срб'на,
Ал' неумро на крјоцу жене,
Кано Самсонъ снажний Евреине,
Та и Херхуль ниже славу скончи,
Нег' в Србе, нег' Войвода Велько;
Оним' паметъ жене помрачиле,
Те славу имъ бружомъ окончиле,
Аль в Велько явно већий одъ нѣи,
Пануо в бранеѣ завычая,
Бранеѣ браћу, вѣру и слободу,
А непаде одъ мышце крѣпче,
Нит' одъ пушке орлу доскочиве,
Већь одъ едне смрти непобѣдне,
Громомъ тучнимъ што землю потреса,
Провалюе горе и литице,
Ни штить гледа нити хамайліе:
Кад' се съ даномъ испореди тама,
И коприва съ кедромъ ливанскіемъ,
Тад' са Велькомъ пређашњи юнацы,
Те лиш' Турскій за свіета нигда.
Непогибе!...? већь се роди Велько,
Живѣт' вѣчно у небесном' царству,
И меѣ люд'ма на лили біелой,
У памети л' Србскій омладакаа,

Та за дѣйку и вѣчну приляку,
И свакима кано и своима;
Ратницима правде и слободе;
Ев' одъ браће и дружства му фала,
Ев' надгробно нѣм' на мермер-плочу:
„Докъ е быо, и докъ е живіо
Витезъ Велько съ Ртня горе соко,
И кад' Србинъ рать отвори Турц'ма,
На мейдане ста излазит' Велько,
Зулумъ гонит' зулумѣаре сѣни,
Нит' е кадгодъ онъ слушао кога,
Кром' самога Караѣорѣа свога,
Поочима Вожда Господара,
Србство каквогъ едномъ тек' имало,
Пакъ веѣь нигда, ма б' и Велька игда —.“
Охъ!...? братъ Милутинъ сахранио брата,
Свогъ Войводу и свогъ поглавара,
Ће га душманъ проптатъ немож' нигда,
Сѣмъ истога брату свом' вѣрнога
Гробъ му другій подъ небомъ незнаде,
Нит' ѣе узнат' пріе Божѣг' суда,
Кад' сви мртви оживѣти буду,
И свак' устат' изъ гроба своєга,
Те на позывъ саму Богу иѣи,

За сва примит' судъ и плату дѣла;
Прва ље ти тайна ово бити,
Што ље земля небу затапти,
А за любовъ и за вѣру Срба,
То л' завидно Турска герба око,
Ню да игда пронаоптат' могне,
У глупаву камъ да му е главу — .

Хай! . . . ! несреќа е юначкоме духу,
Што и сѣверъ у међудневицу
А подъ самимъ полутаромъ свѣта *),
Што л' е гвозђу ватра и водица,
Една куе, друга прекалюе;
И Милутинъ јошъ недѣлю дана
Ту пресиђе у свом' Нѣготину,
Брани мошти свог' покойна брата,
Покойнога и свеблаженога,
Приносио свакиј данакъ жертве,
Турским' главам' брату громъ китію,
А све братскомъ што посѣцо рукомъ,
Осимъ што су и свакии осталии
Тако исто Велька освећали,
Докъ ту были, та и докъ живили,
Премъ е Велько себ' и све нѣи саме
Давно быо собомъ осветію,

*) Полутаръ, што Евваторъ.

Колик'но е онъ текъ единъ мого —
Юшъ барута Србъ е им'о гола,
Па и нѣга свега попржіо,
Ал' разстап'о сва кантарска яя,
И посуђе одъ олова свако,
Изъ тог' зрна лѣво за пушака,
Къ том' изъ топов' талирмасе мет'о,
Нѣма біо на мѣсто картача,
Но и саблѣ честос' крвавише;
Текъ найчешће брата Милутине
Узяхива Кушля Вельковога,
И облачи одѣху истога,
Напад'о е ка' и Велько Турке,
И онако главе имъ одсѣц'о,
И тим' жалость за братомъ разгаль'о,
Сузе лѣво, но и крвь душмана.
Сву цепхану кад' е похарчіо,
Да ни прашке выше неостало,
Дружину е тад' окуш'о свою:
„Храбри Срби, моя браћо драга!
Нерођена колик' и рођена,
Шта мислите како бы смо сада?“
Сложни друзи мртву Вельку вѣрни,
Па и брату нѣгову намѣстцу,

Юрищъ удрит' реку на Везира,
Са юнаштомъ отле издріети,
Срамъ у добыть оставити врагу;
Ал' Милутинъ вышимъ духомъ дише,
Нег' обычни сліепи юнацы,
Што неглаю ни мигнутку конца:
„Немой браћо да скончамо за се,
Што смо дотле роду нѣговали,
Мала і' фала спастис' нехотѣвшу
Изъ премеждя и пропасти явне,
Што човештву собомъ предолѣва!
Соколов'ма птицам' сравняймо се,
Тій нелію брезъ неволѣ крви,
Ка' ни своє тако ни туђинске,
Докъ зечића нетражи тичића,
Када л' инно быт' неможе нѣма,
Орлад'цама свое залагаю,
У вріеме самис' перутаю,
А да здравѣ и животъ одрже,
Да поживе и да се понове,
Пак' и опетъ у небо летѣти,
Изнадъ свіе твари перутніе,
По свомъ свойству и по Боговойству — .
Спрам' притега и любви рода,

За когъ смо се и досадъ крвили
Са душманомъ и варвара силомъ,
Свою славу мы за манѣ држмо!
Честь мы свою овда негубимо,
Ако сили већой с' уклонимо,
Да спремнѣ исту дочекамо,
Дочекамо пакъ ю разлупамо,
Там' у нашим' природним' градов'ма,
По дубравам' горам' и лугов'ма,
Там' и браће выше ћемо наћи,
И цебане доста набавляне,
Пакъ имъ вратит' жао за срамоту,
Што с' одавле мы морасмо маћи
Тајомъ ноћу и преко тресета,
А за спасти свое русе главе,
И мышице што валяю выше!
Айдмот' инди къ своме яту браћо,
Там' в срце завѣрена Србства,
Топрвѣ очи тад' заблѣштмо свѣта,
И паметь му юнаштвомъ занесмо,
А душмане увѣр'мо изнова,
Да в мучно бой са нама быти,
Да се клоне и насъ уклѣштены,
Насъ добіят' да се ратосилю,

Некъ зазыру и одъ гробов' наши,
Кости наше нек' за свете знаду,
Себи одъ нъи хамайліе граде,
Да се нъима одъ біеде бране,
Каквано ій непрође иначе. “
Рієчь мудру нитко непориче,
Ком' годъ мозакъ сврака непопила,
Ил' ког' срце зависть несвладала,
Мудри с' може мудримъ свѣтовати,
А усрдѣ све за своятъ воли
Учинити оли погинути,
Све спасати, па све оправдати;
Часкомъ справни сви за нъиме поѣи,
И Милутинъ првый се опремене,
Путь врозъ тресетъ право і' опружію,
Мрачномъ ноѣцомъ и у глухо доба,
За нъимъ тіо сваколика дружба,
Те на локву брезъ дна и безъ моста,
К'о на Турке и последнѣ ютро;
Преѣу тресетъ здраво и юначно,
Ранѣникъ в ост'о имъ ѣекои
Там' у шанцы, ол' у глибу гредомъ,
Ту рахтови, ту дукати многіи,
Ту и хати найбільи погресли,

И самъ Кушльо ту си окончао!
Кано негда шараць Кралъвиѣа
А кодъ свете цркве Царичине . . .
И то было, зла се уминуло,
Свуд' за веѣе радъс' да е манъ:
Изъ такова обкола страшного
Съ манъ штете крозь премеждя сплете
Изадрро нитко нѣе нигда,
Како ти су сви пропасти могли,
Ка' у бою са безбройни Турцы,
Так' у калу исте езерчине,
Али фала бѣжеѣе дану,
И заклон'ма што н' замрачну небо,
Да с' незирка ни звѣзда коя,
А камо ли бѣгунъ жалостниче.

Тежко майцы са покойни сынцы,
Залуд' сабля погибшу юнаку,
Све л' не мала за све Богу фала —

СЕМБЕРАЦЪ *)

ИЛИ

ВРЛОСТЬ И НАДЕЖДА

Б О Ш Н Я К А.

Царь честитый Отмановъ потомче,
Громска муња Азрети - Алие,
И буздованъ свеца Мухамеда,
У Цариградъ сво те царуе,
У Цариградъ срце одъ свіета,

*) Ова в пјсна постала у време кадъ в Г. Јосифъ Бо-
џанскій Проф. Славенске Филологіе Московскогъ
Университета у Београду быо, и за споменъ тога,
како искренога Србскогъ пріателя сад' се овде
штампа, и нѣму посвећув.

У Цариградъ світа престолъ;
Султанъ - Цара Турско ухо слуша,
Довлету му' Ѓаурлуксе кланя,
Одъ истока до запада сунца,
На земљи му ни равнога ніе,
Очима се немож' догледати,
Богъ на небу на дивану своме
Што собети, што ли намышлява
Султанъ - Цару кано т' свом' већилу
Ам' на земљи дае извршати:
Што Мухамедъ у ценнету своме,
То Царъ - Султанъ у свѣту цѣломе,
Сунце гріе, а Царъ обасява,
Власть и животъ поглед'ма раздава;
Честъ и слава дика и пофала
Довлетскога' искре су озрачя,
Цару і' Рая аманетъ одъ Бога,
А сви Турцы Цареви су сынцы,
Да чуваю и да пазе Раю,
Рахатъ Рая, рахатъ и сви Турцы,
Рахатъ и Царъ у Стамболу своме;
Али дѣца у доброга отца,
Млого пріе сва постаю зміе,
Него люди са очиномъ ѣуди — .

Ніє Рая шала и поруга,
Веѣь в Рая Цару царевина,
А сувыше хамбаръ и ордія,
Раю Турцы устали газити,
Све харати, свимасе мразити,
Ришѣанину недати живота,
Ни живота нити спасенія,
Но свакъ турч'се или погибавай,
Те на мукамъ и на правди Бога,
И то Рая трпѣт' веѣь немогла,
И што могла выше нехотѣла,
Него своме Христу припанула,
Помолилас' и съ нов' завѣрила,
Сва помрети, ол' се злу отети,
Ни Бураку недат'се топтати,
Ма и вѣчно съ Турцы се бактати.
Турцым' Царе самъ судити нешѣе,
Царе нешѣе, или немогаше,
Али Рая веѣе нехаяше,
Богъ великій, Богъ Ришѣанскій правый
Даде Рая свога избранника,
Простога сына єднога пастыра,
Землѣдѣлца но и вѣрнострелца,
По имену Ђорѣа Петровиѣа,

Изъ Тополе села Шумадинска;
Ћорѣа дотле селякъ едва знао,
Ал' га часкомъ савъ свіѣтъ узнао,
А найвыше Турцы зулумѣари,
И Крайнаа Турски Краинари,
Богъ в Ристосъ тако наредіо.
Хай съ истока появ'се зорице!
Свое уши приклони земљице!!
Та ев' топрвѣ небесне деснице!!!
Тврда вѣра, но у слепомѣра,
Два близника, едне майке сынѣа,
И два ока у глави су едной,
Обадва е кадра завадити,
И обое у смртъ закрвити,
И утрт' іѣ пріе нег' смирити;
Тврда вѣра, него наопака,
Глава і' луда, и по готов' м'ртѣа;
На злу вѣру Раяс' подигнула,
Ћорѣу дала пуну властъ нада се
Да ее брани одъ зла и зулума,
Одъ турскога свег' беззаконія;
Караѣорѣе землю окупіо,
Сиротиню ядну заступіо,
Шумадію браѣу заратіо.

На душмане вѣре и закона,
На душмане свег' Ристовогъ стада;
Пукли гласи на све свѣта стране,
Шта учини една сиротиня,
Штас' усуди једанъ чобанине,
Силно Турство на мейданъ позвати,
Све душмане правде поразити,
Никогъ Срба недат' већъ газити,
Никомъ живу, то л' беззаконику,
Докъ юначка на рамени глава,
И докъ мозга, и докъ срца мужка — .
Ал' се чадоръ зеленъ угледао,
Выш' Врбаса на плећу Кунара (планина у Босни);
У Вакупу одъ краице граду,
Башъ на међи трію царевинаа,
Далмаціе, Босне и Хрватске,
Кудъ све Србска рађајосе браћа,
Ка' орлови, ка'но и соколи;
На чадору одъ злата ябука,
Изъ ябуке лице ся юнака,
Емир - шаль *) в ябука завійла,

*) Зелена боя в Емирска, а Емиръ в сродникъ Пророковъ, и зато првый Државе Мусулманске благородникъ — .

Надъ ньомъ копль съ Айбашіомъ *) турскомъ,
На врѣ копля вѣйла Изламкинѣ,
Слепршкава своя крила вѣйта,
Клюна оштри, а протеже панце,
Назжава кокораву главу,
Закрвавля свог' генице ока,
Готовисе у ловъ одлетѣти,
Ал' покличе найпре иза гласа,
Ко' иза сна и одъ адског' жаса:
„О юнацы моя дѣцо Турцы!
Шта сте стали, шта ли сте поспали,
Уз'о часъ вамъ ютроске свануло,
А у горій вечеръ дочекали,
Нестало вамъ сунца и мѣсеца,
Учезле ви свеколике звѣзде,
Мракъ и тмина облакъ и трескови,
Прожурѣше Турке и несѣтне,
Караѣорѣе скочи на оружѣ,
Шѣ нѣимъ свес' дигло што се крстомъ крсти,

*) Айбашъ, значи почетакъ мѣсеца, кад' Турцы, обычно
п свой айлукъ влити плату за прошлый пуный мѣ-
сець пріймаю, како што и друге важне послове
предузимаю или свршую — . Значи іошѣ и на-
ступъ — .

И у саму тежко вама Шаму,
Веѣь на ноге и на добре конѣ,
Юришѣь, хамле удрите Кауру,
Да найвеѣий Диндушмане турскій
Ни трепавку неподигне горѣь,
А тол' очи, то л' инает - главу;
Арслана е рыкѣь и нокать слава,
Ал' цанаварѣь . . . мейдану е глава — ,“
То зачуо найпре и найпріе
Одѣь Вакупа Кулин - Капетане,
Повикнуо изѣь грла юначка,
Кѣь себи зове вѣьрне слуге свое;
„Жеж'те Хоцу, а пал'те Имама,
Ефендію хата ми седлайте *),
Што рамазанѣь съ намѣь упоредѣь пости,
Што и кланя на данѣь по петѣь пута,
К'о и свакій Хак - Турчинѣь човече !
Алай - барякѣь надво изнесите,

*) Онда се прійчало, да в истый Кулинѣь-Капетанѣь тад
имао и два особита топа своя, одѣь кой едногѣь в
Хоцомѣь, т. е. учителѣьмѣь, а другога Имамомѣь, т.
е. Свештеникомѣь звао; а тако е имао и еднога лю-
бивнога хата, кобга в онѣь опета Ефендіомѣь, т. е
господиномѣь именовано.

На чаршии барякъ усадите,
Дѣдъ Османе кад' на Ѓабу иде,
Съ Ѓабе барякъ овій в доніо,
На комно в светаць Мухамеде
У средъ Мекке у своіой чжамин
Намазъ кланьо' кад' Аллаху пош'о!!
Сва Краина нек'се купи амо,
Валя нѣи тее Рацове сѣнн
Землю Рацку стрмглавъ превратити
И брлоге свиньске погорѣти
Рацко роблѣ у робство повести.“
Тек' то рече, па на землю клече,
Поклонисе свецу Мухамеду
А отале поскочи на ноге,
Бритка му в сабля при поясу,
А съ челенкамъ онъ се и родіо,
Одъ мейдана хата окрочіо,
Пакъ окрену ка Травнику граду,
И Краина сва листомъ за нѣиме,
Да припыта царева Везира,
Ели Турчинъ, и ели газія,
Ол' муртатинъ Цара честитога,
Те онъ гледа што Каури раде,
А недиже Турке витезове,

И неоштри Шамли - Демискіе,
На нъой му в одъ злата чжамія,
Ту в жабаць уловіо вука,
А там' соко перута сѣницу,
Чудна сабля у дивна юнака,
Юшъ онъ слуша яукъ одъ Турака,
Преко Дрине и преко Мораве,
По градовма, и по паланкама.“
Везиръ царевъ у Травника града,
Кад' угледо сад' краинну люту
Сву готову, и сву на окупу,
А предъ нѣма Кулин - Капетана,
Когъ у Турѣй іошъ другога нейма,
Самсе Везиръ себи препануо,
Своме граду врата притворію,
Па Ѓехаю Кулину послао,
Да му носи таниъ и хашлука,
За нѣгову силновиту войску,
И да брже до на Дрину пође,
Проловити по Рацови лова,
А Везиру хиссета недати.
Хеле Везиръ оста купит' войску
А са своіомъ Кулинъ отиснуо,
Нешѣ чекат' Челеби - гангрца;

Доксе скани, па доксе накани;
А кад' быо Кулинъ до у Жебче,
Ту на дому никога' ненађе,
Пусто Жебче войска похарала,
Пакъ найбрже отле Грачаницы,
И ту сватко преп'осе одъ гласа,
И одъ силе силна Краишника,
Сви утекли куда кои могли,
Али варошь Кулинъ упало,
Нека памти ткосе дома врати
Когъ честита имао е госта.
Отал' Кулинъ низъ Босну поносну
Примакнесе земљи Семберіи,
У то кличе вѣйла планинѣиня
Те дозивлѣ равной Семберіи
А на име Иву Кнежевића:
„О Иване Семберіе кнеже!
Ако ти е твоя глава драга,
И ако т' е жао Семберіе,
Глай како ћешъ прифатитъ Кулина.“
Колнк' паметь, толнк' валя срећа,
У кнезь Иве жива майка была,
За наукъ се сынакъ упытао:
Што љу Сарро, и по Богу майко,

Што ъу сада одъ овога яда,
Куд' ъу главомъ куда ли животомъ,
Како ли ъе наша сиротиня,
Нашъ аманетъ нама одъ старине?“
Мудра бака мудрою зборила:
„А мой сынко Кнежевиѣу Иво,
Што си негда чуо и слушао,
Садсе оног' сеѣай и споминяй,
И по двіе овце сиса ягнѣ
Умилято, са зломъ непознато;
Па и ты ми хайде предъ Кулина,
Пресрети га на край Семберіе,
Понеси му неколико дара,
И мал' даракъ може быт' доволякъ,
Казаѣе ти што му валя выше,
Ал' ти неѣе сынко досаѣати,
Кулинъ чуес' юнакъ одъ поштена — .
Замыслисе Кнежевиѣъ Иване,
Забрижисе и заборависе,
Съ мѣста устат' веѣъ неуміяше,
У то Мара нѣму проговара:
„О мой друже Иване супруже!
Ништ' немысли выше и на далѣ,
Веѣъ послушай остаралу майку,

Плодъ съ дрієва како самъ опада,
На нѣгъ нитко ни чимсе небаца,
Богъ ќе теби у помоћи быти,
Да и звѣра можешъ укротити,
То л' унуче Бана честитого,
Тек' му кажи, да су ваши стари
Были знанцы, были пріятели,
Бданъ другогъ свачимъ помагали,
Пакъ да тако и за васъ е болъ,
Живѣт' сложно ванъ сваке неволъ.“
Сад' на ноге Иво ускочію,
Свог' мркова добра окрочію,
Пакъ онъ оде земљомъ Семберіомъ,
Право иде Кулина сретати,
Води кнеже стотину кметова,
И поѣро две стотин' волова,
И хиляду преходны овнова;
Среѣа му е іошъ и боля была,
Нѣг' лієпо Кулинъ прифатію,
Побратимство нѣму вістао,
Кулинъ побри хиссе обеѣао
Хиссе побри одъ лова юначка,
Тако скупа и на Дрину слѣгли;
Ордія е село Поповиѣе,

Родъ и кућа кнезъ Ивана сама,
Ту кодъ побре побро починуо,
Сто месарниц' кнеже отворио,
И толико двоє лѣбарницаа,
Те захраня Кулинову войску,
А када се войска одморила,
Одморила и позахранила,
И лађе имъ дошле перевозаѣ,
Одъ Зворника одъ Краична града;
Кулинъ войску на лађе метнуо,
Силну свою войску пребродіо,
Мачве рааван' подъ ньомъ застеняла;
Ни ту Кулинъ нечека Везира,
Веѣъ узъ Дрину войскомъ опружіо,
Бадовинце узгредъ попржіо,
Ера и нѣи празне застануо;
Ка Лѣшницы конаковат' оде,
Да тамошнѣ сад' заштити Турке,
У Лѣшницы, пакъ и у Лозницы,
А у села хаберъ посло ближа,
Тко в рая тесе држи Цара,
Да изъ куѣе никудъ се немиче,
Дас' никога небои до Бога,
Войска турска ѣера хайдучію,

Каво што е хайдучина Ђуро (Ђурџија)
Како л' некій Чумадинацъ Ђуро,
И остала ньіова дружина,
Што на Турке и на Цара свога
Узбунюю сиротиню раю,
Коюно е изъ тефтера свога
И самъ Аллахъ давно реситію,
Турчину ее даде у нафаку.
Што е лазить, што л' гмизати могло,
Изъ Лъшнице турскога милета
Предъ Кулина садъ е изходило;
Све теменахъ до землѣ чинило,
Хошѣлдіе сретоше газію,
А сву войску Аге прифатише,
По конацым' те ее намѣстише.
А кад' бѣше тер' сви вечераше,
Вечеравши почиват' одоше,
Али око незаклапа соко,
Яцію е Кулинъ одкланяю,
Пакъ онъ зове Аге Лъшничане,
Дошоше му турскіи Агалари,
На чардаку Хачжина конака
Ту е Кулинъ Диваанъ окупію,
Пакъ нмъ збори, а ово говори:

„Браћо Турцы чуйте сада мене!
Я знамъ раю шта е узбунило,
И знамъ нбойзи што е досадило
Зато никог' я непытамъ сада,
Већь како бы утишали раю?
Како ли бы огань утрнули? . . .
Свiетъ бѣлый што грози зажећи,
Све и Турство у пухоръ сажећи . . . ?
Пакъ и пухоръ да разнесе вихоръ? . . . !“
Ал' Хачжія к'о Ев - сахибія
Прааво има прво и потонѣ
У Турчина Турчинъ мусафира,
Тек' прозбори, да га зло немори,
А убрза, и узайми суза:
„Хайдуцы су раю помутили
Помутили пакъ ее узмутили,
Ев у Ядру Харамбаша Ђурто,
Затворио Шабаць и Лѣшницу
А теферичъ д'ржи у Лозницы,
Одъ Ђуртесе већь неможе проћи
Ни у хамамъ нити у чжамію,
То л' у село до свог' раетина,
Сву е хайдукъ шуму оживію,
Сва се рая есть похайдучила;

Тамо Лува исподъ Цера баб,
Око Мачве и око Подцера,
А потома Валѣвче Якове,
Колубару свуколику і' диг'о,
Затворио друме и касабе
Біе Турке, пали тефериче,
Јошъ онъ вели: „„зло топрвѣ ѣе быти.““
И ово су према ядма яди,
Ка'но иверѣ према своіой клади,
Веѣ ну ранне непреболѣтице,
Нут' найвеѣе Турцим' затирице!!
Шумадиомъ што се появио,
Караѣорѣе одъ села Тополе,
Сву Мораву и сву Србадию
Све е диг'о, све устало ш'њиме,
Турке бію ѣегодъ ког' налазе,
Нишъ и Видинъ устрептали су се,
Та и Стамболъ самыи ужаснусе,
Тек' о свему Довлетъ ни хабарка,
Царъ царуе у харему своме,
А Кауринъ у царству турскоме,
Тко е Турчинъ, уммети Мухамедъ!!!
Оштри кременъ и саблю потезай,
Па сви юришъ на Диндушманине,

Све штос' тиквомъ мож' заметнут' празном'
Удри подъ мачъ, и подъ хатске плоче,
Кольи сѣцы, та живе ій пецы,
А такко ти свеца и корана,
И такко ти турског' Рамазана!
Чуй Кулине, то се теби збори!! . . .
Одъ Косова до данашнѣг' дана,
Страхъ овакій ніе постануо,
Нит' овлика сила уздизана,
Ни тай огань по Турской плануо — . . . “
Скочи Кулинъ колико помамлѣнъ,
Рикомъ збори а яромъ говори:
У махъ за мноми ко е Турчинъ правый,
А ты Хачжо са мноми наприѣда,
Куѣ знашъ хайде друге нема файде,
Никадъ болъ за Турчина полъ.“
У то треѣи петли запѣваше,
Но в Турцы, сви се хазураше,
Хазуръ яя *), хазуръ и хатлія,
Хазуръ Кулинъ и сви Лѣшничани,
А Хачжія свима е канчжія,
Пріе зоре и біела дана
Найближа су села упалили,
Церскій Добриѣъ и Лѣшницу Влашку,
Попалили пакъ све поробили,

*) Яя, звачи турскія пѣшакъ — .

Осамдесетъ одсѣкли су главаа,
А три стотин' повели робова,
Таманъ тристо и три роба выше,
Ни ту вука, ни горска хайдука,
Да призайми, ол' да сретне Турке,
Веѣ на Дрину здравос' повратише,
И толико штете учинише,
Ал' Кулина срета кнезь Иване
На обали Дрине валовите:
„Благо побри ево побратима!
Добро дошо драгій побратиме!!
Добро дошо, сретно ловъ ловіо!!!“
Али побро побри одговара:
„Знадемъ побро што самъ обеѣао,
Поклонъ теби мое хиссе робля,
Тридестъ робов', и тры су одвыше,
Толико е мен' дружина дала,
А све друго себи оставила.
Нѣму збори Семберіе кнеже:
„Кулинъ - беже, одъ Краине главо,
Што ѣе дѣца безъ своїй маяка,
Што ли майке безъ дѣчице свое,
Оно тамо а ово е амо,
Ни на ономъ несастасе свѣту;

Веѣь ми побро дай откупит' роблѣь,
Све колько, за очину душу,
Пакъ ти фала на овом' хиссету.“
И то побри побро нецорече,
Веѣь му збори, а овомъ га учи:
„Хайде ишти роблѣь на продаю
Одъ осталы Агаа и Бегова
А ни съ киме цѣну непреквдай,
Довече ѣу све на Диваанъ звати,
Я ѣу онди цѣну прекинути.“
Ал' му збори кнеже побратиме:
„Све до ноѣи роблѣь ѣе скапати,
Нешт' одъ глада, све л' одъ грдна страха,
Веѣь ты мѣсто сад' уягми души,
Прекини ми за све роблѣь цѣну,
Ты што речешъ, пристаѣее осталин.“
Побро побри хатаръ попазію,
Одма Кулинъ све Аге зовнуо,
И све роблѣь шъ нѣима погодію,
Єдно съ другимъ велико и мало,
За рушпіяа осамъ хилядицаа,
И да роблѣь све одма теслиме,
А до три дни кнезь да яспре даде,
Ал' одъ кнеза дотле ямца траже,

Но кнезь Иво три четири нађе,
Виданѣъ му Дервишага првый,
Пакъ Мухамедъ Біельниче другій,
А треїій е градскій Муезине
За све Ямаць Богъ и вѣра тврда,
Тад' му Турцы све предаше роблѣ,
И кнеже ій своіой кући води,
У авлію све е прифатіо,
Пакъ износи хлѣба и ракіе,
Сира мяса и другога смока,
Што се нашло садъ на брзу руку,
Те захрани роблѣ сиротиню.
Сво напуни село Поповиће
Силна войска Кулинъ - Капетана,
Ест' и пити кнезь іой дае доста,
Ништ' нештеди чегно валя войсцы,
Али роблѣ одма подигнуо,
У свой ханъ га води къ Біельнини,
Да крвнике ту негледа свое,
И одъ страха да душу поврати,
Сваке хране іошъ у ханъ снесао,
Пакъ е ханска врата затворио,
И катанаць на нѣи ударіо ;
Біельниц'ма своим' познаниц'ма

Аманетъ в хана учинію,
А и Везиръ са Босномъ осталомъ
У Мачковаць село е приспію.
Кнезь Иване сад' пандуре шалѣ,
Къ себи зове одсвуда кметове,
А кадъ су му сви часпріе дошли,
Ханска имъ е врата отворію,
Пакъ е нѣма роблѣ показао:
„Браћо моя, ево задужбине
Я самъ ово роблѣ одкупію,
Ал' га платит' я безъ васъ немогу,
Већъ свакъ узми' по некога роба,
Водите га свакъ своему двору,
Пазите га ко свое челяде,
Тек' одавде да га уклонимо
Доксе турска сва разметне войска,
А при томе браћо и Ришћани,
Ев' прострта моя кабаница,
Тко што може нека на ню бацье,
Па нек' води кога хоће роба,
Све остало я ѣу домирити,
Те и новцым' Турке заситити.“
На то Иви дружина зборила:
„Благо кнеже теб' и твоіой души,

Фала теби одъ насъ до вієка,
И до страшног' суда Божієга,
Тек' рашта нам' непоручи кнеже,
Да іошъ новца уза се узмемо,
Тесе неби данасъ постиђели,
Веъ бы роблѣ и теб' одкупили,
А садъ ово тко што има ево.“
Опетъ нѣма проговара Иво:
Ништа выше но водите роблѣ,
Свою браћу своіой браћи родной,
Я ѣу кусуръ за нѣи дсплатити,
Да ѣу съ нова говеда патити.“
Како рекли тако учинили,
Часкомъ роблѣ робства опростили,
И ханъ кнезу посве испразнили,
Одлакшали бригу и трошкове,
Души своіой стекли спасеніє;
Мало кнеже ту састави новца,
Али опетъ побрзао побри,
Друго ютро све имъ дао новце,
Одкупіо сад' озбиля роблѣ,
Опоштио себ' и емце свое,
Пакъ отиде свогъ посла гледати.
Тек' што кнеже са диваана пође,

Кулинь благо Турц'ма подѣлю,
Аль Кулину Хачжи - берберъ дође,
Пакъ протужи ка' и сужань синній:
„Аманъ браћо и господо Турцы! . . . ?
Мы тражимо некуд' Карађорђа,
И осталу хайдучію Рацку,
А ево ій овди међу нама!!
Кнезь - Ивана главу одсѣцайте,
А да Босна іошъ остане мирна,
И у Босни Турцы Господари,
Или мою главу посѣцайте,
Нек' я будемъ курбанъ мѣсто Раца,
А дин - иманъ нек' е вам' на душу;
Кнезь - Иванъ е роблѣ одкупію,
Карађорђа жутим' дукатима,
Ноћасъ ій е одъ нѣга пріиміо!!
На инсафу*) сад' већъ неймамъ ништа,
А вы чин'те, како вамъ е драго! — .“
Згледашесе Турцы по Диваану,
Па рекоше; „Хачжи - берберъ, сѣди!
А послаше звата Кнезь - Ивана,
Да му побро главу посіече,
А за хатаръ Хачжи - берберина.
Доведоше Кнезь - Ивана брже,

*) То естъ на совѣсти.

И у Диваанъ Кнеза уведоше,
Онъ се побри кланя и Турцыма,
Ал' га нитко ни погледат' нешке,
Отуд' кнеже зло слућети стаде
Ал' се тврдо у Бога надаше,
Пакъ онъ поче са среде Диваана
„Капетанъ - бегъ, што имадешъ збори,
Мен' послова јоште триста чека,
И за твою и везирску войску?“
Кулинъ саблю тад' на крило стави,
Пакъ му оде овлико зборити:
„Ты насъ кнеже еси преварио,
За ништо си роблѣ одкупио,
Двадестъ дукат' за едног' си дао,
За стотину продо Карађорђу,
И одъ нѣг' си све ноѣасъ пријмио,
И отале намъ премазо зубе;
Онай хайдукъ там' крштава Турке
И удае буде за Кауре,
А ты одъ насъ покупова роблѣ,
Све хайдучке сестре и невѣсте?
Да съ Турчиномъ ни ноѣи не ноѣе,
Но докажи одкуда ти новцы,
Како л' брже то састави благо?“

Али кнеже недасе препастн,
А іошъ манѣ забунитъ и смести,
Веѣ Кулина меѣу очи гледа:
„Кулинъ - беже, то се на ме лаже,
Нетко ради мене осудити,
Душу твою Богу омразити,
Те ти на ме лаже и клевеѣе,
Али брзо покаят'се хоѣе! . . . ?
Двадестъ има безъ мало година,
Одкако самъ я кнезоват' наст'о
У Семберской земли плодовиной;
Найболѣе две хляде куѣа,
По вола ми на годину даю,
Да се харчимъ, а да нескомрачимъ,
И да бранимъ свакогъ одъ бѣде,
Одъ зулума и одъ мусеведе;
Іешъ ни едног' я неuze вола
Одкако самъ кнезомъ настануо,
До ючера и до твога лова;
Ючеръ узе само по два съ куѣе
Продадо ій купцу Сарайлій,
По две рушпе за вола ми даде,
Све самъ теби одма теслимію,
Чекмецетомъ своимъ домирію,

И тако самъ одкупіо роблѣ;
Но и да е ово роблѣ исто
Съ твоимъ Турц'ма ноѣцу преноѣило,
Ни динарка небы дао за нь'га,
Овако е то господо Турцы,
Па клевете неслушайте злбне,
Ако л' и то невѣруес' мени,
Ето войска ваша и везирска,
Юшъ и мени дайте сакупити,
Два хилядка Семберски момака,
Виѣте хоѣу л' я пред' вама поѣи,
Хоѣу ли се уклонят' хайдуку,
Или вам' га жива уфатити,
Ил' му пасю главу одваалити;
Но и Турчинъ проѣсе свакій робля,
Веѣь свакъ за номъ и то поредице,
Ніе хайдукъ жена и дѣчица,
Нит' е ватра сама жеравица,
Безкуѣнике вы тек' умножате,
Раю тако праву одстрашате;
Ѣе у гори наѣосте хайдукаа,
Осамдесетъ да ій посѣчете?
Тако ли се царска рая чува?
Тло л' Ѣе за ню хараче плаѣати,

Тко дат' церапъ и Богу и Цару,
За толико изгорѣлы села? . . . ?
Богъ и Царе те зулуме виде,
Они дужни неостаю нигда.“
Свиколицы уѣуташе Турцы,
А у ѣошку Хачжи - берберъ вчи,
Свим' зубима свою браду гризка,
Зборіо бы да іошъ знаде ништа,
У то Кулинъ ка своему побри:
„Сѣди кнеже и кахву му дайте,
Дайте кахву, дайте и чибука,
Вѣрномъ слуги и Цара и Бога,
Правой права онъ в рай глава.“
Спустис' кнеже до Кулина побре,
А на супротъ Хачжи - берберъ - Аги,
Прійми кахву и узе чибука,
Па кадъ попи ону турску кахву,
Іошъ припыта кнезь и ово Турке:
„О господо Турска и Довлетска,
Кажу л' ваше што и наше кнѣнге,
Да Богъ знаде башъ и помышлѣнѣ?
„Хай - хай, кнѣнге наше што и ваше,
Богъ в единъ, и кнѣнга в една.“
Свиколицы тако рекну Турцы.
Овди кнеже опружи бесѣду:
„Богъ што знаде, нек' и люди знаду,

Те башъ они кои траже правду,
Правда і' свакомъ животъ и живлѣнѣ,
Ал' властнику и хлѣбъ є и среѣа;
Ону буну тамо у народу,
Преко Дрине и преко Мораве,
Да вамъ кажемъ тко є успалио,
Успали єе турскій зулумъ самый,
А зулумъ є свакояко кривда,
Кривда никогъ неоставля мирна,
Очи вади, оли чупа зубе,
Ол' прелама и кости юначке,
И одсѣца понайболѣ главе,
А узъ инатъ и Цару и Богу.
Па тко бїе и тко ли разбія,
Шумадіомъ на хиляде Турке,
И то да вамъ Аге наше кажемъ,
Разбія ій, па и разбіяѣе,
Янъичарлукъ и башалукъ турскій
Єръ онъ незна ни Цара ни Бога,
Раю гази, к'о и сваке мраве,
Непомышля одъ сада до сутра.
Тко л' зтвара цареве друмове?
И то да вамъ право Турцы кажемъ,
Незатвара цареве друмове,

Нити хайдукъ нити рая гола,
Веѣь затвара ярамазлукъ турскій,
Кесечжія, и зорба, и хайта,
Они друме затвараю царске!
Тко л' и саме отима градове?
Мудрим' Турц'ма и само се каже,
Отимаю царски одпадници,
Кои Паше и Везире царске,
Нападаю и убіяю ій,
А да сами градови владаю,
И да вольно сиротиню гняве.
Крштаваю Турад' и кадуне
Кои кнезе и кметове добре,
Све на колаць живе удараю,
Ил' за милость и забаву свою,
Турадъ уче да ій убіяю
На средь града, и у средь пазара,
Ол' на нѣину дому и трапези.
Чини зулумъ, единъ само безумъ,
Ал' узъ сухо згара и сирово,
Єдно село свога попа жали,
Сутресно в убило га Туре,
Што бадава неда му чарапе;
Друго село свога кмета жали,

Убіо га баша ил' субаша,
Што му неда зулумъ чинит' селу,
Веѣь пріети тужити га наши,
Ил' Кадін, ол' Веѣилу царскомъ,
Одъ истога Пашалука свога,
Да бы другій тако нечинію;
Настадоше Орте и Дахіе,
Убіяю Хочже и Кадіе,
Отимаю цареве градове,
Сургунъ чине или убіяю
Све Довлета Паше и Везире;
Па Ришѣанске и Раетске главе,
Дуовнике и влезове саме,
За то исто губе и затиру,
Што берате имаю одъ Цара,
А да Раю и себе чуваю . . .
Одъ зулума и одъ зулумѣара.
Но садъ виѣте вы очима сами,
Колик' немиръ мѣсто мирас' диже,
Да в и васъ далек' узбунію,
Да идете, туѣ прати пете,
И све врви, да с' напіе крви,
А несмышля нитко ни коліко,
Да крвь за крвь піес' и пролива,

Крвь праведна і' ватра земля жива,
Садъ на примѣрь, вы погуб'те мене,
Како видимъ да нетко настон,
Тко ѣе къ вама одъ кметова доѣи,
Шта ѣе реѣи Рая сиротиня
Кою самъ я одъ зла закланяю,
Свуд' и свагда колико могао?
Шта помислит' остае Нахіе
По свой Босни, шта л' кнезови тіе?
Нечуел' се на све стране свѣта,
Шта чинише Београдскіи Турцы
Шта л' садъ чини Шумадійска Рая?
Неѣе л' мучный свачимъ угроженный
Сиромашакъ дати све за животь,
За огнѣно гвожѣес' прифаѣати
Шта л' бы вы садъ, войске да немате?
Вамъ в войска, ваша сиротиня,
Нит' іой дробишъ, нит' ее игда солишъ,
Тек' іой нисте іошъ у живаць такли,
Шакъ васъ чува, и вама слугуе! . . .!
Него хараамъ со и лѣбаць вама,
Хараамъ сабля и мышца юначка,
Власть и милость свим' Веѣил'ма Цара,
Хараамъ быва, хараамъ и пребыва,

Зулумѣара кадгодъ уштеѣива!!!
Зулумѣари землѣ похараше,
Зулумѣари Царе убіяше,
Зулумѣари Раю одмеѣаю,
Зулумѣари у Босни настаю,
Вѣруйте ми, добра быти неѣе,
Мало ѣ' проѣи сваѣес' Босна диѣи,
Канос' дигла земля Шумадија,
Па куд' майцы, куд' ли у ѣевере,
Залуд' бива купит' и вефере,
Куд' бы тада силни Яничари,
Шта л' бы могли добри Агалари ? . . . ?
Кад' оружѣ прифате ратарии ??? "
Овда скочи Кулинѣ - Капетане,
Кличе юнакѣ а потрже саблю,
Ние Турчинѣ, нит' е одѣ Турчина
Нит' е човекѣ, нит' е одѣ човека,
Зулумчара кои необара ! "
Пакѣ размахну по Хачжи - берберу,
Глава му е часкомѣ одлеѣала,
Мр'тва нѣга юшѣ удара свакиѣ,
Да веѣь другий тко nebude такий,
Баремѣ одѣ нѣи ту се десившие,
Юште вели Кулинѣ - Капетане :

„А мой побро Семберіє добро,
У двоє смо посадь побратими,
Благо теби, благо твоіой души!
Слугас' права божа и Царева,
Иди кнезуй, како си досада,
Тко ње на те, Богъ и я њу на нь'га,
Само право, а да сви смо здраво!“
Садъ кнезь Иванъ уста да отиде,
Поклонисе, пакъ на дво изиде,
Роблѣ му є іошъ на души оно,
Ал' весео шета крозь ордію,
У то нь'га Владике спазише
Три Владике одъ Босне Ришѣанске,
Ту су были, ту се находиле,
Они зовну Кнезь Ивана себи,
У свой чадоръ уведоше кнеза,
Пакъ молитве читаю му свете,
Да све враге мож' поражат' клете,
Светимъ миромъ нь'га помазаше,
Нѣму обште благослове даше,
За свакада причесте га сада,
Нечаяна и напрасна смртца,
Да му страхомъ веъ недирка срдца,
Па кнезь Иво Владике дарива,

Све полюбцемъ у деснице свете,
Пакъ одхита, те за кмете пита,
Све ій збрао, што ій ту нашао,
Онъ в њима ово бесѣдіо:
„Залуду смо браћо и дружино!
Спасли браћу, спасли пріятелъ,
Залудъ есмо роблѣ одкупили,
Кадъ га дома іошъ неиспратили,
Већ пуштайте свак' свог' роба одма,
Нека иде куд' е коме драго,
Слобода в свим' найвеће благо.“
Кнезъ то реко нитко не пореко,
Препратили у Сербію роблѣ.
Света слога све може у Бога,
Еданъ за све, сви за едног' стоймо,
За правду се никога небоймо,
Како сада, тако в свакада.“
Ніе Босна посве инокосна . . . !
Кад' Богъ хоће, родиће іой воће — .



— — — — —

**ЛЮБИТЕЛЪИ КНЪИЖЕСТВА,
КОИ СУ СЕ НА ОВУ КНЪИГУ ПРЕДУПИСА-
ТИ ИЗВОЛИЛИ.**

БЕОГРАДЪ.

Высокопреосвяшт. и Высокодостойнѣйшій Г. Пе-
таръ Іовановићъ, Архіепископъ Београдскій и Митропо-
литъ целе Сербіи 12. кнъ.

Пречест. Г. Гавріилъ Поповићъ, Архимандритъ об-
штеж. Монаст. Врабевшнице и членъ Арх. Консистр. 1.

— Препод. Г. Діонисій Поповићъ, Игуманъ Раванча-
вій и чл. Арх. Конс. 1. — Пречест. Г. Евгеній Симеоно-
вићъ, АЕМ. Архидяконъ и Богословіе учитель 1. — Пре-

чест. Г. Θεодосій Мраовићъ, АЕМ. протодякенъ и Бого-
словіе учзтель 1. — Чест. Г. Папта Михайловићъ, На-

иѣстникъ Београдскій 1. — Чести. Г. Іованъ Симоно-
вићъ, парохъ, 1. — Благор. и високоуч. Г. Василій Ла-

зићъ Арх. Беогр. Конс. Секретаръ и Цензоръ 1. — Вы-
сокоуч. Г. Атанасій Георгіеввићъ, Арх. Кон. Протоколи-



ста 1. — Высокоуч. Г. Никола Димитрієвичъ, учитель 1.
— Благород. Г. Симеонъ Петровиъ, АЕМ. Канцел-
листь и скупитель предчисленника 1. — Благонадеждный
Юноша Константинъ Д. Вунъ, слушатель Реторике 1.

Высокород. Г. Аврамъ Петронієвичъ, Княж. Пред-
ставникъ и Попечитель иностр. дѣла, Кавалѣръ 1. кн.

Высокоблаг. Г. Алекса Янковиъ, Директоръ Княж.
и Попечительства иностр. дѣла Канцелар. Кавал. 1. кнъ.
— Благор. Г. Тимотей Кнежевиъ, првый Секретаръ
Княж. и Попеч. иностр. дѣла Канцелларіє 1. — Ёорђе
Петровиъ, Столоначалникъ I. — Іованъ Фелиповиъ, Сто-
лоначалникъ 1. — Данилъ Даниъ, Протокол. 1. — Стой-
ча Ивковичъ, Протокол. 1. — Алекса Романовиъ, Е-
всоедиторъ 1. — Петаръ Прокиъ Канцеллисть 1. — Пе-
таръ Радовановиъ, млађій Писаръ Суда вар. Беогр. 1.

Благород. ГГ. Коммандиръ I. Ротте, Капетанъ Іо-
ванъ Лукачевиъ 1. — Коммандиръ II. Рот., Капетанъ
Кавалѣръ Савва Іовановиъ 1. — Подпоручикъ Пѣхоте,
Антоніє Павловиъ 1. — Фелдвебель II. Рот. Павле Ма-
ксимовиъ 2. — Фаимистеръ кавалѣрійскогъ Ескадрона
Радованъ Ђуриъ 1. — Унтеръ-Офицаръ и Писаръ Глав-
ногъ воен. Штаба Манойло Теодоровиъ 1. — Унтеръ-
Офицаръ и Каптенармусъ I. Рот. Антоніє Нешиъ 1. —
Унтеръ-Офицаръ и Каптенармусъ II. Рот. Радосавъ По-
повиъ, скупитель предчисленника 1. — Старшій Унтеръ-
Офицаръ IV. Рот. Лука Милосавлѣвичъ 1. — Старшій
Унтеръ-Офицаръ IV. Рот. Богданъ Прокиъ 1. — Стар-
шій Унтеръ-Офицаръ II. Рот. Петаръ Радойловиъ 1. —
Млађій Писаръ Батал. Канцелларіє Стефанъ Пешиъ 1.
— Препишчикъ Канцелларіє II. Рот. Павта Новаковиъ 1.



Благор. ГГ. Іованъ Стейкъ, Началникъ Санитета 1.
— Іованъ Гавриловићъ, Началникъ Промышленности 1. —
Высокоблагор. Г. Яковъ Якшићъ, Кавалѣръ 1. —
Благор. ГГ. Ёлисей Вукайловићъ, Секретарь Управ. вар.
Беогр. 1. — Паіо Чавловићъ 1. — Коста Ценовићъ,
членъ Управ. вар. Беогр. 1. — Димитріе Ђорђевићъ, чл.
Примир. Суда 1. — Георгіе Панићъ, членъ Управ. вар.
Беогр. 1. — Анђелко Стефановићъ, Писарь Управ. вар.
Беогр. 1. — Гавра Радовановићъ, членъ Прим. Суда 1.
— Димитріе Станмировићъ, Дѣловодитель Прим. Суда
1. — Милошъ Марковићъ, Булюкбаша при Управ. вар.
Беогр. за сына Іована. — Петаръ Цимићъ, Практикантъ
Примир. Суда в. Беогр. 1. — Алекса Здравковићъ, Пи-
сарь Прим. Суда 1. — Милета Деспотовићъ, Практик.
Управ. вар. Беогр. — Петаръ Цампићъ Кварталникъ
Управ. вар. Београда.

Поштенор. ГГ. Спиридонъ Гопчевићъ, великокуп.
изъ Тривста 6. — Воиновићъ и Содругъ жит. и велико-
купаць Београдскій 2. — Высокоуч. Г. Павле Радова-
новићъ, родомъ изъ Шабца 1. —

Поштен. ГГ. Димитріе Крестићъ, родомъ изъ Но-
вогъ-Сада 1. — Стеванъ М. Лазаревићъ, Кнѣговезаць 1.

Благород. Г. Василій Бераръ, Инспекторъ Правител-
ственне Кнѣгопечатнѣ. — Благор. Г. Филипъ Вал-
теръ, Факторъ Правит. Кнѣгопечатнѣ. — Готфридъ
Шреплъ, Факторъ Словоливнице.

Благород. ГГ. Субѣкти Правителственне Кнѣгопе-
чатнѣ; Словослагатели: Петаръ Карамарковићъ, 1. Пан-
та В. Іовановићъ, 1. Георгіе Вукаш. Іовановићъ, 1. Георг-



гіе Л. Станіъ, 1. Петаръ Ђ. Данићъ, 1. Јованъ Вуковићъ,
1. Яковъ Шаломъ, 1. — Печататели: Георгіе Стефано-
вићъ, за сына Стефана, 1. Јованъ Симићъ, 1. Димитріе Н.
Ђорђевићъ 1. Урошъ Радовановићъ 1. Димитріе Вунчићъ 1.

Ученицы III. грамат. класе:

Алекса Здравковићъ 1. — Александеръ Карапав-
ловићъ 1. — Велимиръ Стефановићъ 1. — Димитріе Ра-
довановићъ 1. — Илія М. Мильковићъ 1. — Станойло
Станоевићъ 1. — Стоянъ Вельковићъ 1. — Тодоръ Пе-
тровићъ 1. — Чедомиръ Ђвтиміевићъ 1.

Пошт. Г. Стефанъ Марковићъ, Пекаръ-Майсторъ 1.

ПОЖАРЕВАЦЪ.

*(Послани одъ пошт. Г. Петра Шљивића, сына
бывшегъ Войводе Рамскогъ, Живка Шљиви-
ћа, а трг. Пожар. и реви. Срб. књижества.)*

Честн. ГГ. Илія Протићъ, Парохъ Пожарев. и лю-
битель књижества 1. — Милутићъ Николићъ, Парохъ
Пожар. и любитель књижества 1. — Благоразум. Г. Ко-
ста Георгіевићъ, учитель старіе класе Пожарев. 1. —
Благоразумн. Юноша Живко Ђлисіевићъ Протићъ, люб.
књижества 1. — Поштенор. ГГ. Иванъ Марковићъ, мо-
деръ и жит. Пожарев. 1. — Марко Илићъ, рођ. у Руд-
нику сада житель села Костолца, Окр. Пожаревачкогъ 1.
— Настасъ Лалковићъ, фишерѣія Свилайвачкій 1. — Ла-
заръ Петровићъ, родомъ изъ Румелие 1. — Благоднадежд.
Юноша Спаса Стокићъ, изъ Кленовинка, ученикъ III.
класе Пожаревачке.







БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P19 СрТ 320.1